

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СИНЕЛЬНИКОВА

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Научные общества в системе Академии наук СССР (1930–1950-е годы)

УДК: 94(47)+061.22

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-93-117

В статье показаны особенности положения научных обществ в системе АН СССР в 1930–1950-е гг. Автор особое внимание уделил рассмотрению процесса включения научных обществ в систему академических учреждений, анализу нормативно-правовых основ их деятельности и типовых уставов, а также рассмотрению основных результатов деятельности академических научных обществ в 1930–1950-е гг. Исследование основано на различных источниках, в первую очередь архивных материалах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, Архиве Российской академии наук и его Санкт-Петербургском филиале, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. В статье отмечается, что научные общества при АН СССР в 1930–1950-е гг. проводили плодотворную работу: регулярно устраивали заседания, а также семинары, конференции, конгрессы и научные чтения, проводили экспедиции, печатали монографии, сборники и журналы. Результаты их деятельности правомерно рассматривать как значительный вклад в развитие отечественной науки. Сделан вывод, что в целом взаимодействие структур Академии наук и научных обществ в 1930–1950-е гг. было вполне успешным, так как руководство Академии наук хорошо понимало формы и методы деятельности и особенности организации и функционирования научных обществ, поэтому не обременяло последние излишним регулированием и контролем. Академический статус позволял научным обществам успешно выполнять свои основные функции, а также укреплять и развивать свой авторитет в общественной и научной жизни страны.

Ключевые слова: научные общества, АН СССР, общественные организации, история науки, научная политика, наука и власть.

Благодарность

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете при поддержке Государственного задания на тему «Государственное управление научными исследованиями в СССР: исторический опыт и современные оценки», FSZG-2023-0011, регистрационный № 1023031000045-1-6.1.1.

Введение

Научные общества являются одной из самых устойчивых институций в отечественной науке. Существенную роль в развитии их деятельности с момента создания первой такой организации в середине XVIII в. играло взаимодействие с Академией наук. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что академики весьма часто возглавляли научные общества, а также входили в состав их руководящих органов.

Особым явлением во взаимоотношениях Академии наук и научных обществ было получение последними академического статуса. Однако такие случаи были единичными, а организационная связь с Академией таких обществ была весьма формальной, так как они продолжали оставаться в ведении соответствующих государственных органов власти и управления и получали от них ассигнования.

Тем не менее в середине 1930-х гг. положение изменилось, когда в систему АН СССР было передано четыре научных общества. Это потребовало от руководства Академии выработки для них специального типового устава, а также оперативного решения возникавших административных, финансовых и хозяйственных проблем. Последовательное увеличение числа научных обществ при Академии наук в последующие годы привело к необходимости дальнейшего регулирования их правового статуса и определения их места в системе организации академической науки.

Однако, к сожалению, несмотря на интерес исследователей к отдельным аспектам деятельности Академии наук СССР [Graham, 1967; Кольцов, 1988, 1997; Сулейманов, 2019; Метель, 2020; Долгова, 2022 и др.], в настоящий момент история существования научных обществ в академической системе остается практически неразработанной. В связи с этим представляется весьма актуальным изучение особенностей взаимодействия научных обществ со структурами АН СССР в 1930–1950-е гг. и проблем организации их деятельности в рамках академической системы.

Научные общества при Академии наук в 1920-е годы

До революции 1917 г. в систему Академии наук входило только одно научное общество — Русское ботаническое общество. Устав общества был утвержден министром просвещения графом П.Н. Игнатьевым 3 марта 1916 г.¹ В § 1 этого устава отмечалось, что Ботаническое общество учреждается при Императорской академии наук «в целях научного объединения русских ботаников», а в § 28 устава указано,

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 889. Оп. 1 (1915). Д. 2. Л. 33.

что в случае ликвидации организации ее имущество будет передано в Академию². В условиях мобилизации науки в годы Первой мировой войны и консолидации отечественного научного сообщества принадлежность к академической системе позволяла Русскому ботаническому обществу рассчитывать на быстрое решение организационных проблем и осуществление проектов, в том числе и издательских. Академический статус давал возможность обществу размещаться в Ботаническом музее Академии наук, куда также поступали все коллекции и материалы, полученные в результате проведенных обществом исследований³. Связь с Академией прослеживалась и на личностном уровне: почетным президентом общества был академик А.С. Фаминцын, а президентом являлся академик И.П. Бородин.

После революции 1917 г. Русское ботаническое общество продолжило свою деятельность в системе Академии наук, но ассигнования получало от Наркомпроса, в ведении которого состояло. Более того, Ботаническое общество было в феврале 1925 г. включено СНК РСФСР в «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения РСФСР и состоящих на государственном бюджете»⁴ и получило статус «государственного».

В 1927 г. Русское ботаническое общество фактически перестало быть связано с Академией наук, так как в новом уставе АН СССР не было указания на возможность существования в ее составе научных обществ. Тем не менее официально общество получило самостоятельность только в начале 1933 г. и, в соответствии со своим новым уставом, стало именоваться Всероссийским ботаническим обществом.

Если создание профессионального научного объединения при Академии наук было изначально выбранной ботаниками стратегией, то для Российского палестинского общества в первые послереволюционные годы обретение академического статуса стало мерой спасения общества от ликвидации. Основанное в 1882 г. общество пользовалось покровительством Русской православной церкви и императорской семьи. Лишившись прежних источников финансирования и поддержки после революции 1917 г., Палестинское общество озаботилось вопросом легитимации своей деятельности и закреплением на правовом уровне взаимоотношений с Академией наук. В его новом уставе, зарегистрированном Отделом управления Петросовета 22 августа 1919 г.⁵, была отражена тесная организационная связь с Академией. Так, в § 23 устава указывалось, что в состав совета общества входит один представитель Российской академии наук «по назначению»⁶, а деятельность общества осуществляется на средства, отпускаемые Академией⁷.

² Там же. Л. 33, 35 об.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2556. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1925. № 14. Ст. 95. С. 166–176.

⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 9. Д. 1. Л. 17 об.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 411. Л. 38 об.

⁷ Там же. Л. 16.

На личностном уровне Российское палестинское общество также было в тесном контакте с академическим сообществом: в 1918–1921 гг. его возглавлял В.В. Латышев, а затем до своей смерти в 1928 г. академик Ф.И. Успенский, в 1928–1932 гг. академик Н.Я. Марр; академики В.В. Бартольд, Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, С.А. Жебелев, П.К. Коковцов, Н.П. Лихачев, А.В. Никитский, С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский, Б.А. Тураев, А.Е. Ферсман, А.А. Шахматов являлись членами общества.

Руководители Палестинского общества обращались в Академию в том числе и за разрешением проблем, возникающих во взаимоотношениях с советской властью. В частности, когда в июне 1921 г. после обыска и изъятия документов ЧК были опечатаны помещения общества⁸. Председатель Палестинского общества академик Ф.И. Успенский, опасаясь его возможного закрытия, в октябре 1921 г. направил устав организации в новой редакции в Академию наук, с приложением списков действительных членов и состава совета, а также объяснительной записки о деятельности Палестинского общества, с тем чтобы эти документы были переданы на регистрацию в Главнауку и НКВД⁹. Получив регистрационные документы, Главнаука просила Академию наук «дать заключение относительно Палестинского общества — желательна ли сохранение означенного учреждения при Академии в качестве состоящего при нем общества или комиссии, или же регистрация означенного общества как совершенно самостоятельного, а не входящего в состав учреждений академии наук»¹⁰. В результате было принято решение, что «общество должно быть зарегистрировано при новом уставе как совершенно самостоятельное», так как «исследования, касающиеся Палестины, входят в круг деятельности отделов Академии наук и Академии истории материальной культуры»¹¹. Начался процесс выведения общества из академической системы, а его новый устав, уже утвержденный Главнаукой, был направлен в НКВД в декабре 1922 г.¹² Рассмотрение вопроса заняло полгода, и в июне 1923 г. НКВД принял решение ликвидировать Российское палестинское общество¹³.

Однако в 1925 г. «по инициативе и настоянию» советского правительства деятельность Российского палестинского общества была восстановлена, но как самостоятельной организации. Дело в том, что СССР пытался отсудить земельные участки и имущество, принадлежавшие Палестинскому обществу до революции и находящиеся за границей. К сожалению, правительства государств, на территории которых располагалось спорное имущество, отказались признавать собственником Советскую Россию, а поскольку дипломатическим путем не удалось разрешить эту проблему, то существование общества могло стать аргументом в пользу признания прав СССР. НКВД утвердил новый устав общества 29 октября 1925 г.¹⁴, а Ленин-

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰ Там же. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 96.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 926. Л. 26.

¹⁴ Там же. Д. 953. Л. 2.

градское отделение Главнауки — 13 июля 1926 г.¹⁵ После возобновления деятельности и до середины 1930-х гг. общество вело достаточно активную научную работу, затем, вплоть до начала 1950-х гг., его деятельность была приостановлена.

Таким образом, в условиях системных трансформаций 1920-х гг. взаимодействие научных обществ с Академией наук приобретало большое значение. Для общественных организаций ученых Академия представлялась гарантом стабильности и безопасности в постоянно и стремительно меняющихся социально-политических и экономических реалиях послереволюционной России. Однако на протяжении 1920-х гг. в системе Академии наук только Русское ботаническое общество существовало на постоянной основе, а Российское палестинское общество недолго пребывало в статусе академического в начале 1920-х гг.

Тем не менее к середине 1930-х гг. при Академии наук уже не состояло ни одного научного общества, а в принятом в 1935 г. новом уставе Академии наук СССР не упоминалось о возможности существования в ее составе научных обществ.

Включение научных обществ в систему академических учреждений

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. Общее собрание АН СССР приняло в академическую систему ряд институтов и организаций, находившихся ранее в ведении ликвидированного Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. В числе переданных организаций было четыре научных общества: Всесоюзное географическое общество, Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева, Всесоюзное общество почвоведов, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество¹⁶.

17 мая 1938 г. на заседании Президиума обсуждались вопросы включения научных обществ в структуру Академии. В первую очередь были приняты меры к финансовому обеспечению их деятельности. Руководящие органы переданных обществ должны были в десятидневный срок представить Управлению делами «свои финансовые планы и штатное расписание на 1938 г., а также сведения о выполнении финансового плана и фактическом состоянии штатов»¹⁷.

Следующей мерой по включению научных обществ в систему академических учреждений стало создание комиссии для подготовки постановления «о порядке приема переданных Академии наук обществ». Комиссию возглавил академик А.А. Борисяк, а в ее состав вошли академики А.Н. Бах, Н.И. Вавилов и др. В работе комиссии также принимали участие и представители заинтересованных научных обществ — В.С. Киселев, А.А. Азлецкий (оба — от Всесоюзного химического общества), Д.Г. Виленский (от Всесоюзного общества почвоведов), А.А. Михайлов (от Всесоюзного астрономо-геодезического общества). Согласно подготовленному комиссией постановлению, научные общества принимались в систему АН СССР со всем своим имуществом и сметными ассигнованиями. На время реорганизации для каждого из них создавался организационный комитет, который должен был подготовить проекты новых уставов, в которых были бы отражены условия взаимодей-

¹⁵ Там же. Д. 1012. Л. 1.

¹⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1-а (1938). Д. 40. Л. 3.

¹⁷ Там же.

ствия с Академией, и проработать с соответствующими академическими структурами вопросы издательства, договорных и иных работ, хозяйственных и штатных единиц обществ¹⁸.

Все общества вошли в состав Отделения математических и естественных наук Академии, кроме Всесоюзного географического общества, которое состояло непосредственно при Президиуме Академии наук. Однако в сентябре 1938 г. Общее собрание АН СССР утвердило изменение структуры отделений Академии, и теперь Всесоюзное общество почвоведов состояло при Отделении биологических наук, Всесоюзное анатомо-геодезическое общество при Отделении физико-математических наук, Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева при Отделении химических наук, а Всесоюзное географическое общество было решено оставить при Президиуме Академии наук¹⁹.

Действительно, особого внимания Президиума Академии наук было удостоено Географическое общество, одно из старейших научных обществ в России. В ноябре 1938 г. Президиум АН СССР принял решение все существующие на территории СССР «разнообразные географические организации», коих было более десяти, объединить во Всесоюзное географическое общество на базе реорганизации существующего уже при Президиуме АН СССР общества²⁰. По мысли академиков, новое общество должно было стать «широкой всесоюзной организацией», а массовость в работе должна была быть обеспечена включением в состав членов, помимо «научных работников в области географии», «преподавателей географии в средних и высших школах, экспедиционных работников всех ведомств, экономистов и плановиков различных ведомств, работающих в области изучения производственных сил и их размещения»²¹. Кроме того, существенным изменением в устройстве нового Всесоюзного географического общества должен был стать перенос его Президиума из Ленинграда в Москву, для чего, помимо выработки нового устава и плана деятельности, также необходима была «вербовка членов в Москве»²². Для проведения подготовительной работы по реорганизации Географического общества был создан оргкомитет, в который вошли: академик В.Л. Комаров (председатель), академики Н.И. Вавилов и О.Ю. Шмидт (заместители председателя), академики А.Е. Ферман, В.А. Обручев, Л.И. Прасолов; члены-корреспонденты Ю.М. Шокальский, Л.С. Берг, П.П. Ширшов, профессора А.П. Ильинский и А.А. Григорьев и др. По оценке академика В.Л. Комарова, «авторитетный состав оргкомитета свидетельствует о большой политической, научной и организационной важности этого вопроса»²³. Итогом этой работы стало утверждение Президиумом АН в июне 1939 г. проекта устава Всесоюзного географического общества, который был отправлен на рассмотрение СНК СССР²⁴.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1-а (1938). Д. 40. Л. 5.

¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 6. Л. 14–27.

²⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 16. Л. 48–49.

²¹ Там же. Оп. 1а-1938. Д. 43. Л. 26.

²² Там же.

²³ Так же. Л. 24 об.

²⁴ Там же. Оп. 6. Д. 18. Л. 156–157, 206–215.

Несмотря на некоторые трудности организационного характера, которые вызвала адаптация научных обществ в академической системе, они продолжали проводить свою обычную работу, которую необходимо было финансировать. Осенью 1938 г. из резервных фондов Президиума Академии наук СССР переданным в ее систему научным обществам были выделены «дотации» на текущий год: 13 тыс. руб. — Астроному-геодезическому обществу, 30 тыс. руб. — Химическому обществу, а Географическому — 37 тыс. руб.²⁵ Эти средства предназначались для урегулирования организационно-административных проблем и выплат штатным сотрудникам. Ежегодно дотационные выплаты увеличивались, и на 1940 г. было выплачено, в частности, Всесоюзному химическому обществу 85 тыс. руб., Всесоюзному географическому обществу — 100 тыс. руб., Всесоюзному обществу почвоведов — 40 тыс. руб., Всесоюзному обществу фармакологов, физиологов, биохимиков — 35 тыс. руб., Всесоюзному астроному-геодезическому обществу — 30 тыс. руб.²⁶

Первые итоги включения научных обществ в систему академических учреждений были подведены уже весной 1940 г. Президиум АН СССР поручил комиссии во главе с академиком В.Н. Образцовым ознакомиться с деятельностью и финансовым состоянием академических научных обществ²⁷. Комиссией были получены весьма интересные сведения, в частности относительно численности членов. Так, например, во Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева входили 4 тыс. чел., причем из них 1 217 чел. вступили в общество в 1939 г.²⁸ В выводах комиссии, представленных В.Н. Образцовым на заседании Президиума АН СССР 20 мая 1940 г., говорилось, что общества «проводят большую и полезную работу пропаганды и расширения научной работы среди всего населения, вовлекая в нее преподавателей, студентов, рабочих и т. д.», и, «несомненно, заслуживают самой действенной поддержки Академии наук в их развитии»²⁹. Однако отмечались и недочеты, такие как «недостаточная объединительная работа в центральных органах самих обществ по отношению к их филиалам, недостаточность привлечения молодежи, недостаточная связь с местными партийными, культурными, профсоюзными и иными организациями, все еще не оформленные новые уставы»³⁰. Президиум АН СССР на основании выводов комиссии Образцова постановил:

- бюро отделений усилить руководство научными обществами, состоящими при них;
- управлениям и отделам аппарата Президиума АН СССР улучшить обслуживание научных обществ в отношении решения организационных, финансовых и других вопросов, связанных с их текущей работой;
- научным обществам АН СССР из госбюджета производить дотации с целевым назначением;
- Бюджетной комиссии Президиума АН СССР поручить рассмотреть вопрос о размере дотации научным обществам, состоящим при АН СССР;

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 7–8.

- президиумам и оргкомитетам научных обществ предложить в двухдекадный срок представить на рассмотрение соответствующих отделений проекты уставов обществ;
- на академика В.Н. Образцова возложить предварительное рассмотрение всех вопросов, связанных с деятельностью академических научных обществ³¹.

По итогам первых лет существования научных обществ в академической системе правомерным представляется вывод, что, несмотря на отдельные сложности, им удалось не только сохранить основные направления своей работы, но и расширить масштабы деятельности. В Академии наук хорошо понимали формы и методы их деятельности и особенности организации и функционирования, что лишало взаимодействие академических структур и обществ излишней бюрократизации. Все это позволяло обществам успешно выполнять свои основные функции, а также укреплять и развивать свой авторитет в общественной и научной жизни страны, чему, несомненно, способствовал в том числе и их академический статус.

Правовое положение научных обществ при АН СССР в 1930–1950-е годы

Общества, которые были переданы в АН СССР в 1938 г., не были ранее организационно связаны с ней, поэтому встала проблема регулирования их взаимоотношений на правовой основе.

Вопросы регистрации и деятельности, а также контроль органов власти и управления над научными обществами на тот момент определялись «Положением о добровольных обществах и союзах»³² (далее Положение), утвержденным ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г. Согласно п. 14 Положения, уставы обществ, «задачи которых непосредственно связаны с деятельностью отдельных комиссариатов или приравненных к ним центральных учреждений», решались соответствующими наркоматами³³. Наблюдение и контроль за деятельностью обществ возлагались на орган, зарегистрировавший устав и осуществлявший обследования их работы и заслушивания их отчетов (п. 17)³⁴. Также общества были обязаны регулярно предоставлять отчеты о своей деятельности тому учреждению, которому принадлежит наблюдение и контроль (п. 19)³⁵.

Президиум Академии наук утверждал уставы академических научных обществ, а бюро отделений, при которых они состояли, осуществляли контрольные функции. Этот установившийся в академической системе порядок не противоречил содержанию Положения 1932 г. Академия наук была правомерна выступать как орган, регистрирующий уставы и осуществляющий надзор и контроль над деятельностью научных обществ, учитывая ее юридический статус. Дело в том, что Академия наук

³¹ Там же. Л. 23–23 об.

³² СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. С. 437–441.

³³ Там же. С. 439.

³⁴ Там же. С. 440.

³⁵ Там же.

с декабря 1933 г. находилась в ведении СНК СССР³⁶, и таким образом она обладала тем же правовым положением, что и наркоматы. С Совнаркомом, а с 1946 г. с Советом министров СССР согласовывались утверждаемые Президиумом АН СССР уставы научных обществ, а также проводимые обществами научные мероприятия — съезды и конференции.

Осуществляя определенные функции по руководству научными обществами, ранее выполнявшиеся органами государственной власти и управления, Президиум Академии наук и бюро отделений, однако, не сковывали организацию и деятельность обществ мелочной регламентацией.

Важным в нормативно-правовом отношении представляется то, каким образом в уставе АН СССР было отражено взаимодействие с научными обществами. Несмотря на то что уставные документы Академии неоднократно претерпевали изменения в советский период ее деятельности, только в уставе, утвержденном в 1959 г., впервые появилось упоминание о существовании в ее структуре научных обществ. Так, в п. 7 устава указывалось, что «при Академии наук СССР состоят научные общества, организуемые в порядке, устанавливаемом Президиумом Академии наук СССР»³⁷. Соответственно, одной из задач Президиума, согласно п. 41, было определение порядка организации академических научных обществ при Академии и утверждение их уставов³⁸. Общества сообразно своей специализации входили в состав того или иного отделения Академии, бюро которых, в свою очередь, осуществляли руководство деятельностью этих научных организаций (п. 49)³⁹. Таким образом, в уставе 1959 г. были закреплены уже существующие практики административно-организационных взаимоотношений научных обществ с АН СССР.

В отсутствие специальных нормативно-правовых актов о регулировании взаимоотношений научных обществ со структурами Академии и в силу того, что общества в ее уставах вплоть до конца 1950-х гг. не упоминаются, определяющее значение получали регулятивные нормы уставных документов академических научных обществ.

Типовые уставы научных обществ при Академии наук СССР

После урегулирования правовых вопросов передачи научных обществ в систему Академии наук возник вопрос об уставных документах этих организаций, в которых должен был быть отражен их новый статус.

Изначально Президиум Академии наук утверждал устав каждого входившего в ее состав научного общества. Разработка устава для каждого отдельного общества входила в обязанности организационных комитетов обществ, которые состояли из представителей как самого общества, так и соответствующего отделения Академии. Создание типового устава для научных обществ при АН СССР позволило бы упростить и существенно сократить сроки подготовки уставов; к тому же научные

³⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1933. Отд. 1. Стлб. 444. С. 796.

³⁷ Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. С. 152.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ Там же. С. 161.

общества вне академической системы также функционировали на основе типовых уставов.

Необходимо отметить, что практика создания специальных типовых уставов для научных обществ в Советской России появилась в начале 1920-х гг. До революции при организации нового научного общества учредители брали за образец устав уже существовавшего общества, сходного по задачам и роду деятельности. После окончания Гражданской войны начался процесс упорядочения нормативно-правового регулирования деятельности общественных организаций. Одним из шагов в этом направлении было утверждение в 1923 г. НКВД, Наркомпросом и Наркомюстом «Нормального устава научных, литературных и научно-художественных обществ»⁴⁰, ставшего первым типовым уставом научных обществ.

Тем не менее быстрые изменения общественной и политической жизни привели к тому, что устав 1923 г. быстро устарел и начался процесс создания нового типового устава для научных обществ (См.: [Синельникова, 2016]). В результате в 1928 г. было создано два устава: один для научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, имеющих филиальные отделения, другой для организаций местного характера, т. е. не имеющих отделений⁴¹. Тем не менее преобразования в правовой сфере рубежа 1920–1930-х гг. привели к утверждению очередных типовых уставов в 1930 г. — уставов добровольных обществ, имеющих отделения и не имеющих таковых⁴², в соответствие с которыми должны были быть приведены уставы всех общественных организаций, в том числе и научных обществ.

Таким образом, когда в 1938 г. Академии наук было передано четыре научных общества, действующими оставались типовые уставы 1930 г. Отдельные положения этих уставов были положены в основу первого проекта типового устава академических обществ, подготовленного комиссией академика А.А. Борисяка в 1938 г.⁴³ Проект состоял из 58 пунктов и включал в себя разделы «Цели и задачи общества», «Состав общества», «Права и обязанности членов общества», «Структура общества и органы его управления», «Местные организации общества», «Средства общества», «Наблюдение и контроль за деятельностью и ликвидация общества». В проекте указывалось, что общество «находится при отделении естественных и математических наук Академии наук СССР» и ведет свою деятельность по плану, утвержденному Отделением⁴⁴. Общество в своей деятельности должно было «способствовать развитию соответствующей отрасли науки, организовывать специальные и коллективные исследования, вовлекать в свои ряды научные и инженерно-технические и педагогические силы, а также учащих в специальных заведениях и интересующихся трудящихся, популяризировать и пропагандировать научные и технические знания среди широких масс трудящихся на основе марксистско-ленинского учения и организовывать массовое движение в соответствующей области науки, содействовать развитию и реконструкции производства точных измерительных приборов и инструментов для массовых наблюдений и популяризации, изучать производитель-

⁴⁰ Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88–89.

⁴¹ Там же. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535–546.

⁴² Там же. 1930. № 36а. С. 11–22.

⁴³ АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1938. Д. 43. Л. 7–18.

⁴⁴ Там же. Л. 7.

ные силы страны»⁴⁵. Кроме того, по представлению Отделения и по утверждении Президиумом АН СССР общество могло участвовать в международных обществах и объединениях, в том числе и образуя советские секции международных организаций⁴⁶. Общества, согласно пункту седьмому этого проекта устава, должны были состоять из: индивидуальных членов, которыми могли стать граждане, не лишенные избирательных прав в советы и достигшие 18-летнего возраста; коллективных членов — научных, хозяйственных и иных учреждений и организации, деятельность которых связана с задачами общества⁴⁷; а также почетных членов, которыми могли избираться лица, «оказавшие выдающиеся услуги в деле развития науки, также выдающиеся иностранные ученые, проявившие свое положительное отношение к советской науке»⁴⁸. Прием в члены происходил Президиумом Совета общества на основании заявления, т. е. общества были открыты для всех желающих участвовать в их работе.

Органами управления общества являлись: Всесоюзный съезд общества (созывался не реже одного раза в год), Совет общества (утверждался Отделением АН СССР) и Президиум Совета общества. Программа и порядок работы съездов, а также выборы всех руководящих лиц и составы комиссий должны были утверждаться Президиумом Академии наук по представлению Отделения⁴⁹.

Средства составлялись из членских взносов, доходов от деятельности и принадлежащего имущества, ассигнований ведомств и учреждений, заинтересованных в работе общества, и прочих поступлений и должны были храниться в государственных кредитных учреждениях⁵⁰.

В проекте подчеркивалось, что контроль за деятельностью общества возлагался на Отделение математических и естественных наук АН СССР, которое рассматривало и утверждало годовые планы работ общества не реже одного раза в квартал, заслушивало доклады общества о его работе. Наблюдение и контроль за деятельностью местных отделений общества осуществлялось соответствующими филиалами Академии наук, а в местах, где таковые отсутствуют, республиканскими Верховными Советами, исполнительными комитетами или же, соответственно, местными советами⁵¹.

Ликвидация того или иного общества, а также его местных организаций, согласно проекту устава, должна была производиться по постановлению Президиума АН СССР в порядке, установленном Положением о добровольных обществах 1932 г., а все оставшееся после ликвидации имущество передавалось Академии наук.

Подготовленный проект устава утвержден не был, но тем не менее он представляет интерес как первая попытка увязки существующих нормативно-правовых норм и реальной практики функционирования обществ при АН СССР.

⁴⁵ Там же. Л. 7–8.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 11–12.

⁵⁰ Там же. Л. 17.

⁵¹ Там же.

Общая логика развития взаимоотношений научных обществ и структур Академии, а также увеличение числа обществ в ее составе заставили вновь обратиться к выработке типового устава. В сентябре 1940 г. Президиум АН СССР поручил Секретариату разработать типовой устав для всех обществ, состоявших при Академии наук. Работа над уставом продвигалась стремительно. В начале декабря проект был отправлен председателям академических обществ для ознакомления, а 24 декабря 1940 г. проект обсуждался на совещании под председательством академика В.Н. Образцова⁵². В доработанном виде проект был утвержден Президиумом Академии наук в начале января 1941 г.⁵³ Далее проект типового устава академических научных обществ был направлен на рассмотрение в Совнарком. 22 апреля 1941 г., на основании разрешения СНК СССР и с предложенными им правками, Президиум утвердил «Типовой устав научных обществ, состоящих при Академии наук СССР»⁵⁴.

Этот уставной документ по структуре был схож с проектом 1938 г., однако в содержании имелся ряд отличий. Кроме того, устав представлял собой более краткий документ, состоящий всего из 39 параграфов. В задачах, которые ставились перед обществом, превалировала идея прикладного характера научной деятельности; при этом отдельные задачи повторяли проект 1938 г. Однако в задачи общества входила и «постановка и разработка научно-технических и организационных вопросов, вытекающих из политики и мероприятий партии и правительства», а также «организация борьбы с лженаучными теориями и внедрение марксистско-ленинской методологии в работе членов общества»⁵⁵. Тем не менее, согласно примечанию, каждое общество получало возможность дополнить и конкретизировать список целей и задач сообразно своей деятельности.

Без изменений остались органы управления обществом и их полномочия⁵⁶, источники средств обществ, а также его состав. Права и обязанности членов общества были дополнены необходимостью «активно участвовать в развитии передовой советской науки и всемерно содействовать осуществлению задач социалистического строительства, связанных с деятельностью общества»⁵⁷.

Организационно-административная связь с академическими структурами выражалась в том, что Академия наук и ее органы «знакомятся со всей деятельностью общества путем обследования работы общества и его организаций и заслушивают периодически отчетные доклады», дают обществу обязательные для него указания, «оказывают обществу содействие в его работе»⁵⁸. Подчинение филиалов обществ республиканским Академиям наук сохранялось.

Ликвидация того или иного общества, его отделов или филиалов могла произойти по указанию правительства или Президиума АН СССР, а также по решению съезда общества или конференции республиканских филиалов общества или реше-

⁵² АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 1об.

⁵³ Там же. Оп. 6. Д. 29. Л. 21, 28–40.

⁵⁴ Там же. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 67; Оп. 6. Д. 30. Л. 220.

⁵⁵ Там же. Л. 73.

⁵⁶ Важно, что руководящим органом общества остался Всесоюзный съезд, но созываться он должен был реже — не один раз в год, как в проекте 1938 г., а раз в пять лет.

⁵⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 77.

⁵⁸ Там же. Л. 78.

нию Пленума Центрального Совета (для отдельных местных организаций общества)⁵⁹.

Изменилась формулировка пункта о возможности членства в международных организациях: теперь это было возможно с ведома Президиума АН СССР и только с разрешения «в каждом отдельном случае» правительства СССР⁶⁰.

Важным новшеством стало и то, что, согласно последнему пункту устава 1941 г., в случае ликвидации общества или его отдельных организаций имущество передавалось «организациям, указанным в постановлении о ликвидации»⁶¹, т. е. совсем не обязательно Академии наук, как это было в проекте 1938 г.

Предполагалось, что этот устав будет в будущем доработан. К сожалению, дальнейшему усовершенствованию и обсуждению типового устава научных обществ, функционировавших в системе АН СССР, помешала начавшаяся война. В эти тяжелые годы происходило приведение уставов академических научных обществ в соответствие с типовым. В частности, в 1943 г. Президиум АН СССР утвердил устав Всесоюзного общества физиологов, биохимиков и фармакологов⁶², в 1945 г. уставы Всесоюзного географического общества и Всесоюзного общества почвоведов⁶³.

Тем не менее вновь к вопросу о типовом уставе научных обществ вернулись в середине 1950-х гг. 30 декабря 1955 г. Президиум АН СССР утвердил «Типовой устав добровольных научных обществ при АН СССР»⁶⁴. Этому предшествовала оживленная дискуссия. В ходе обсуждения академиками было высказано немало сомнений как относительно функционирования научных обществ в системе академических учреждений, так и по поводу существования подобных организаций вообще в современных условиях. В частности, академик М.М. Дубинин задавался вопросом: а что членство в обществе дает его членам «кроме цепей, кроме обязанности выполнения всякого рода общественной работы <...>, участия в многочисленных экспертизах, заседаниях и т. д., помимо общения»⁶⁵. Дискуссию остановил президент Академии наук А.Н. Несмеянов, призвав собравшихся утвердить проект устава с учетом высказанных замечаний, так как «его смотрели юристы и со всех сторон все это уже обсосано, хотя и находятся еще шероховатости»⁶⁶.

Типовой устав 1955 г. во многом опирался на устав 1941 г., но был более подробным и состоял из 53 параграфов, причем количество разделов увеличилось до десяти. Это было обусловлено разбивкой отдельных стандартных разделов на несколько при более детальном изложении их содержания. Однако раздел «О порядке утверждения устава общества» появился в типовых уставах для академических обществ впервые. В нем излагалась процедура регистрации «индивидуального устава общества», который составлялся на основе типового, принимался на съезде обще-

⁵⁹ Там же. Л. 79.

⁶⁰ Там же. Л. 78.

⁶¹ Там же. Л. 79.

⁶² Там же. Оп. 6. Д. 37. Л. 111, 126–134.

⁶³ Там же. Д. 48. Л. 40, 53–56, 112, 142–157.

⁶⁴ Там же. Д. 208. Л. 22–41.

⁶⁵ Там же. Л. 104.

⁶⁶ Там же. Л. 109.

ства, а затем утверждался Президиумом АН СССР. Местные же отделения общества должны были действовать на основании устава общества⁶⁷.

Важно отметить, что к уставу было дано примечание, согласно которому «типовой устав должен служить основой для разработки индивидуальных уставов научных обществ, существующих при Академии наук СССР», «типовой устав включает лишь основные, общие для всех обществ положения, которые могут быть соответствующим образом конкретизированы, дополнены и изменены в индивидуальных уставах обществ, применительно к профилям, целям и задачам последних»⁶⁸.

Согласно уставу 1955 г., от обществ уже не требовалось добиваться массовости в работе или практического уклона исследований; задачи были сформулированы менее конкретно: борьба за приоритет ученых нашей родины в научных открытиях и в решении важнейших проблем; исследование и популяризация истории отечественной науки; оказание научной и методической помощи в постановке преподавания в высшей (средней) школе; участие в проведении мероприятий по культурной связи с народами других стран и участие в борьбе за мир; содействие в работах по упорядочению и унификации научной терминологии⁶⁹. Научным обществам поручалась и экспертная функция, выраженная в рецензировании и обсуждении научной литературы и учебников, а также в подготовке заключений по вопросам по поручению Президиума АН СССР, в присуждении премий и медалей⁷⁰.

Общество, согласно новому уставу, состояло не только из действительных, почетных членов и членов-коллективов, но и из членов-соревнователей. Такая категория членства последний раз упоминалась в типовых уставах 1928 г. Членами-соревнователями могли быть лица, интересующиеся наукой и содействующие ее развитию или распространению научных знаний, т. е. были так называемыми любителями. Для вступления даже в члены-соревнователи требовалась рекомендация учреждений или двух членов общества⁷¹, что существенно сужало круг потенциальных соискателей.

Действительными членами научного общества при Академии наук СССР могли быть «ученые, научные сотрудники, профессора, преподаватели вузов, техникумов и средних учебных заведений, специалисты-практики, а также другие лица, имеющие научные работы или своей деятельностью способствующие работе общества»⁷². Прием производился в индивидуальном порядке на основании личного заявления с приложением рекомендаций научных или общественно-политических организаций или двух членов общества⁷³. Таким образом, основной состав научных обществ был высокопрофессиональным.

В уставе без изменений остались положения об органах управления общества, организации взаимодействия центральных органов общества и его отделений, ре-

⁶⁷ Там же. Л. 40.

⁶⁸ Там же. Л. 24.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 25.

⁷¹ Там же. Л. 27.

⁷² Там же. Л. 26–27.

⁷³ Там же.

визии деятельности, средств общества, взаимоотношений с академическими структурами.

Без изменений остались условия ликвидации общества, но имущество и денежные средства ликвидируемой организации передавались, согласно § 50 устава, соответствующему отделению Академии наук⁷⁴.

Как видно из приведенных материалов, типовые уставы научных обществ при Академии наук решали необходимый минимум организационных вопросов, позволявший им успешно выполнять поставленные задачи. Поскольку общее руководство Академии наук касалось преимущественно административного подчинения обществ ее отделениям, в уставах были изложены те формы, в которых это воплощалось на практике. Однако, не будучи скованными мелочной регламентацией и неустанным контролем государственных органов власти и управления, с чем приходилось сталкиваться обществам вне академической системы, общества при Академии наук пользовались значительно большей свободой не только в административно-организационном плане, но и в научном.

Таким образом, основы, заложенные в типовом уставе научных обществ при АН СССР 1941 г., получили свое развитие и уточнение в следующем, принятом в 1955 г. Утверждение этого типового устава окончательно закрепило место научных обществ в системе академической науки и определило формы и задачи их деятельности на последующие десятилетия⁷⁵.

Динамика численности научных обществ при АН СССР в 1930–1950-е годы и их дисциплинарная структура

Как уже было сказано, в апреле 1938 г. в систему Академии наук было передано четыре научных общества: Всесоюзное географическое общество, Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева, Всесоюзное общество почвоведов, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество. Всего через год состав академических обществ пополнился Всесоюзным обществом физиологов, биохимиков и фармакологов, которое было передано в Академию наук из ведения Наркомздрава⁷⁶. Вопрос об организации общества был впервые поднят еще в 1910 г. на XI съезде врачей в память Н.И. Пирогова, проходившем в Санкт-Петербурге, но осуществить это удалось только в годы Первой мировой войны. Устав Общества российских физиологов был утвержден в ноябре 1916 г. [*Ноздрачев и др.*, 2017, с. 17]. В апреле 1917 г. обществу удалось организовать первый съезд российских физиологов. На протяжении 1920–1930-х гг. общество продолжало плодотворно работать: проводило собрания, организовывало на регулярной основе съезды, издавало журнал. В 1930 г. общество получило новое название — Всесоюзное общество физиологов, биохимиков и фармакологов.

По инициативе академика Е.Н. Павловского также из ведения Наркомпроса в систему Академии наук в конце 1940 г. было передано Всероссийское энтомоло-

⁷⁴ Там же. Л. 41.

⁷⁵ Новый типовой устав для научных обществ при АН СССР был утвержден в 1988 г.

⁷⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 20. Л. 91.

гическое общество⁷⁷. Созданное в середине XIX в., оно продолжало свою деятельность и взаимоотношения с Академией наук после революции 1917 г. С 1919 г. оно размещалось в Зоологическом институте АН СССР. В работе общества принимали участие выдающиеся ученые: Н.Я. Кузнецов, А.В. Мартынов, Е.Н. Павловский, М.Н. Римский-Корсаков, А.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Президиум Академии наук СССР не только принимал в систему научные общества, передававшиеся из других ведомств, но также ввел практику создания подобных организаций при своих институтах. В частности, в конце 1939 г. Президиумом АН СССР было принято решение создать Всесоюзное общество гельминтологов на базе Постоянной комиссии по изучению гельминтофауны при Всесоюзном институте гельминтологии⁷⁸. Организационная работа была проведена в течение следующего полугодия, и 30 июля 1940 г. на заседании Президиума Академии наук был утвержден устав нового общества, контроль за деятельностью которого был поручен Отделению биологических наук⁷⁹. Всесоюзное общество гельминтологов стало одной из первых подобных организаций в мире. Первым президентом общества являлся основатель отечественной гельминтологической науки, академик Константин Иванович Скрябин (1878–1972).

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны в состав Академии наук СССР входило семь научных обществ.

Несмотря на то что в годы войны новых научных обществ в системе АН СССР не появлялось, Президиум принимал важные организационные решения относительно положения в академической системе уже существовавших организаций. Так, например, в декабре 1943 г. Президиум АН СССР заслушал доклад академика В.А. Обручева «О структуре Отделения геолого-географических наук АН СССР» и принял решение о включении Всесоюзного географического общества и Всесоюзного общества почвоведов в состав Отделения геолого-географических наук⁸⁰.

В послевоенный период восстановления научной инфраструктуры в составе Академии наук стали появляться и новые научные общества. Так, в конце 1945 г., в целях объединения всех геологических сил и содействия развитию геологических наук в СССР, Президиум АН СССР постановил организовать Всесоюзное геологическое общество в Москве⁸¹. Оргкомитет включал В.А. Обручева, Д.С. Белянкина, А.Н. Заварицкого, Ф.П. Саваренского, С.С. Смирнова, П.И. Степанова и др.

В конце 1946 г. ученые Москвы и Ленинграда (Д.А. Ласточкин, Л.А. Зенкевич, М.М. Кожов, Я.В. Ролл, В.И. Жадин, В.Н. Беклемишев, П.И. Усачев) обратились в Отделение биологических наук АН СССР с просьбой об организации гидробиологического общества. Вопрос был решен положительно Президиумом АН СССР. Далее, в соответствии с существующей практикой, устав общества был утвержден Советом министров СССР и ЦК ВКП(б)⁸². Первое заседание состоялось в декабре

⁷⁷ Там же. Д. 25. Л. 147.

⁷⁸ Там же. Д. 22. Л. 265–266.

⁷⁹ Там же. Оп. 6а. Д. 28. Л. 146.

⁸⁰ Там же. Оп. 6. Д. 39. Л. 185–190, 200; Оп. 6а. Д. 42. Л. 131–135.

⁸¹ Там же. Оп. 6. Д. 50. Л. 265–268, 285–291; Оп. 6а. Д. 52. Л. 274–282.

⁸² Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000. Т. [1]: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. С. 344.

1947 г.; на нем председатель общества, микробиолог, исследователь Арктики академик Б.Л. Исаченко ознакомил собравшихся с уставом и поделился своими соображениями относительно перспектив Гидробиологического общества [Кабанов, 1948, с. 56].

Однако не всегда решения Президиума Академии наук о создании научного общества имели успех. Так, в 1947 г. Президиум по докладу президента АН СССР С.И. Вавилова принял постановление об учреждении Всесоюзного физического общества при Академии наук СССР⁸³. Однако Совет министров СССР отказал в учреждении этого научного общества. В результате Физическое общество, правда, имеющее самостоятельный статус, было организовано только на излете существования СССР — в 1989 г.

Тем не менее и Совет министров СССР по необходимости становился инициатором появления в составе Академии научных обществ. В частности, 25 сентября 1950 г. им было издано распоряжение о возобновлении деятельности Российского палестинского общества при АН СССР. Дело в том, что в мае 1948 г. было создано государство Израиль, и СССР одним из первых признал его независимость и установил с ним дипломатические отношения. В этих благоприятных условиях советское правительство предприняло новую попытку получить имущество, до революции 1917 г. принадлежавшее Императорскому православному палестинскому обществу.

16 января 1951 г. состоялось Общее собрание общества, на котором в качестве председателя был утвержден профессор С.П. Толстов, а Р.П. Дадыкин — ученым секретарем; в состав Совета были избраны академики В.В. Струве и А.В. Топчиев, а также член-корреспондент АН СССР Н.В. Пигулевская⁸⁴. В начале марта 1951 г. Президиум Академии наук утвердил устав Российского палестинского общества при АН СССР, целью которого было изучение Палестины, Сирии, Ливана, Египта, Ирака и сопредельных с ними стран Ближнего Востока в историческом, археологическом, филологическом и культурно-бытовом отношениях, участие в международных мероприятиях по изучению и сохранению памятников искусства в этих странах, организация научных экспедиций⁸⁵.

В результате, и в том числе благодаря активной работе Российского палестинского общества, уже после первой арабо-израильской войны часть искомым храмов и земельных участков была передана СССР.

Во второй половине 1950-х гг. в составе Отделения биологических наук АН СССР было создано еще два научных общества — Всесоюзное микробиологическое общество (1957) и Всесоюзное биохимическое общество (1958).

Таким образом, к концу 1950-х гг. в системе Академии наук СССР насчитывалось 14 научных обществ [Федькин, 1958, с. 180], и их число продолжило расти. В последние годы существования СССР число научных обществ, функционировавших в составе Академии наук, возросло до 25. Они имели более тысячи республиканских, краевых, областных и городских филиалов и отделений, а также в целом все общества насчитывали около 150 тыс. членов [Об улучшении деятельности, 1988, с. 40–41].

⁸³ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 61. Л. 215.

⁸⁴ Там же. Д. 110. Л. 33–34.

⁸⁵ Там же. Д. 111. Л. 166–175.

Примечательно, что подавляющее большинство научных обществ, входивших в систему АН СССР в 1930–1950-е гг., имело естественнонаучный характер деятельности. Это отражало соотношение научных сил внутри Президиума Академии наук СССР, так как ведущие позиции в нем в рассматриваемые годы также занимали представители естественных наук. Именно институты естественнонаучного профиля являлись в 1930–1950-е гг. приоритетными в планировании и финансировании научных исследований.

Основные результаты деятельности научных обществ при АН СССР в 1930–1950-е годы: научно-организационная и издательская деятельность, международные связи

Для научных обществ, вне зависимости от их ведомственной принадлежности, основной формой деятельности традиционно являлось проведение собраний, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады. В отдельные всесоюзные научные общества входили более тысячи человек, поэтому даже рядовые общие собрания становились крупными научными мероприятиями, которые посещались многочисленными членами организаций. Так, на собрании действительных членов Географического общества 10 февраля 1949 г. в Ленинграде присутствовали более 400 чел. [*Общее собрание Географического общества*, 1949, с. 65–70].

Кроме того, большое значение в деятельности обществ имела организация заседаний, посвященных юбилеям выдающихся ученых и научных учреждений и организаций, а также памятных дат в истории науки. В частности, в конце 1940 г. Отделение химических наук АН СССР совместно со Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева отметило 80-летие академика Н.С. Курнакова⁸⁶.

Даже в годы войны научные общества при Академии наук продолжали осуществлять коммеморативные практики. Так, с 30 марта по 1 апреля 1944 г. проходило празднование 75-летия периодического закона и Русского химического общества, организованное Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева и Отделением химических наук АН СССР. Этому мероприятию Академия наук и руководство страны уделили большое внимание. На открытии торжеств было зачитано приветствие президента АН СССР академика В.Л. Комарова, а академик А.Н. Бах выступил с приветственным словом. На заседании также присутствовал нарком химической промышленности СССР М.Г. Первухин. Пленарный доклад «Физический смысл периодической системы» сделал академик А.Ф. Иоффе [*Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 г.*, 1946, с. 84].

Крупным юбилеем был отмечен 1945 год — это 100-летие Географического общества. Осенью 1945 г. Президиумом был сформирован оргкомитет празднования во главе с академиком В.А. Обручевым. В планах подготовки к юбилею было установление надгробий на могилах почетного академика Ю.М. Шокальского, деятельность которого в обществе продолжалась 58 лет (из них 23 года в качестве председателя). Предполагалось установить надгробия и на могилах выдающихся членов Географического общества, великих путешественников П.К. Козлова и Н.Н. Миклу-

⁸⁶ Там же. Ф. 535. Оп. 1 (1939–1944). Д. 72. Л. 23.

хо-Маклая⁸⁷. Изначально празднование было намечено на весну 1946 г., но в итоге состоялось 27–31 января 1947 г. в рамках II Всесоюзного географического съезда. Были заслушаны доклады академиков Л.С. Берга, А.А. Григорьева, Л.Д. Шевакова, О.Ю. Шмидта и др. Обсуждались результаты нового исчисления площади СССР, произведенного Институтом географии⁸⁸.

Еще одним памятным мероприятием для общества стало собрание Всесоюзного географического общества совместно с Арктическим научно-исследовательским институтом, проходившее 26 октября 1948 г. Оно было посвящено 300-летию со дня открытия С.И. Дежневым пролива между Азией и Америкой (Берингов пролив). С докладом выступили академик Л.С. Берг, член-корреспондент АН СССР В.Ю. Визе и др., была организована выставка. В связи с этим постановлением Совета министров СССР была учреждена премия им. С.И. Дежнева в размере 15 тыс. руб., присуждаемая Географическим обществом раз в три года за лучшие научные труды и исследования по географии северо-восточной Азии⁸⁹.

Не менее широко отмечалось 40-летие со дня смерти Д.И. Менделеева в феврале 1947 г. на совместном торжественном заседании АН СССР и Всесоюзного химического общества. Были заслушаны доклады академиков А.Е. Арбузова, Н.Д. Зелинского и др., а также с воспоминаниями о Д.И. Менделееве выступила его дочь, О.Д. Трирогова-Менделеева⁹⁰.

В 1955 г. прошло торжественное заседание Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР, совместно с Московским государственным университетом и Всесоюзным обществом физиологов, биохимиков и фармакологов, посвященное 50-летию со дня смерти И.М. Сеченова.

Кроме того, общества организовывали различные семинары, конференции и научные чтения. Например, 15–20 мая 1947 г. в Москве состоялась IV Всесоюзная конференция по катализу, организованная Отделением химических наук АН СССР и Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева. Центральным выступлением стал доклад академика А.А. Баландина о развитии химии катализа в СССР за семь лет, прошедших с последней конференции [*Гольданский*, 1947, с. 41–47].

С 1948 г. по предложению Е.Н. Павловского Всесоюзным энтомологическим обществом стали проводиться ежегодные Чтения памяти профессора Н.А. Холодковского. Важным событием для общества также стало проведение Первого съезда Всесоюзного энтомологического общества, который состоялся 15–18 февраля 1950 г. в Ленинграде. В его работе приняли участие 262 чел., представители свыше 40 научно-исследовательских учреждений, вузов, министерств из 23 городов [*Медведев*, 1999, с. 204]. Проведение такого крупного научного мероприятия позволило обществу расширить масштабы своей деятельности, что привело к созданию в ряде крупных научных центров СССР, в том числе и в республиках, отделений общества.

Проводились и совместные заседания научных обществ и отделений Академии наук СССР, в состав которых они входили. 31 марта 1941 г. состоялось совместное научное заседание Отделения геолого-географических наук АН СССР и Всесоюз-

⁸⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 48. Л. 2–4.

⁸⁸ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 334–335.

⁸⁹ АРАН. Ф. 535. Оп. 2. Д. 15. Л. 5–7.

⁹⁰ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы. С. 335.

ного общества почвоведов; при этом были заслушаны доклады академика Л.И. Прансолова «О горно-лесных почвах Кавказа в связи с вопросом выветривания» и члена-корреспондента Б.Б. Польшова «Обмен минеральных веществ между горными породами и живыми веществами»⁹¹.

Представители научных обществ приглашались для выступления на заседаниях бюро отделений и Президиума Академии наук СССР с годовыми отчетами о деятельности или с докладами о текущей работе своих организаций. Так, ярким примером является доклад академика Б.Б. Польшова 26 мая 1948 г. на заседании Бюро Отделения геолого-географических наук, посвященный итогам дискуссии, организованной Всесоюзным обществом почвоведов по книге профессора А.А. Роде «Почвообразовательный процесс и эволюция почв» и по рецензии на нее четырех авторов в газете «Социалистическое земледелие». В выводах доклада отмечалось, что книга А.А. Роде оценена как крупная обобщающая работа по актуальной теме, выполненная на основе обширного материала, а критика признана несостоятельной⁹². На заседании Президиума Академии наук 13 октября 1949 г. был заслушан доклад члена-корреспондента В.И. Спицына о деятельности Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева⁹³.

Значимой также являлась и издательская деятельность академических научных обществ. Кроме трудов съездов, конференций и конгрессов ими также публиковались монографии, сборники статей, периодические и информационные издания — «Известия», «Труды», «Бюллетени». Всесоюзное энтомологическое общество, кроме того, с 1945 г. возобновило издание журнала «Энтомологическое обозрение», а Всесоюзное географическое общество выпускало с 1946 г. «Вопросы географии».

Проводились научными обществами также и экспедиции. В частности, с июня по октябрь 1946 г. под руководством Ф.В. Колосовского была проведена Хорско-Ануйско-Самаргинская экспедиция, организованная Приамурским (Хабаровским) филиалом Всесоюзного географического общества и АН СССР. В ходе изысканий исследовано «белое пятно» на территории Хабаровского края — Северо-Уссурийский край и горная страна центральной части Сихотэ-Алиня. Впервые установлена зона распространения клещей — переносчиков дальневосточного энцефалита в Хабаровском крае, собраны образцы флоры и фауны Северо-Уссурийского края, исследованы жизнь и быт удэгейцев.

В 1950-е гг. Академия наук и Всесоюзное географическое общество совместно проводили значительную работу по исследованиям в Антарктиде, причем одним из главных руководителей антарктических исследований выступал будущий президент общества А.Ф. Трешков. Большой вклад в решение юридических вопросов международного статуса Антарктиды внесли представители как Академии, так и Географического общества, работавшие в комиссиях ЮНЕСКО.

Значительное место в деятельности научных обществ при Академии наук СССР занимали международные связи. В 1950-е гг. они начинали проявлять свою активность на мировой арене, выступая представителями советской науки в международных научных организациях. Так, 17 мая 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Президиума АН СССР о вхождении Всесоюзного общества физиологов,

⁹¹ АРАН. Ф. 535. Оп. 1 (1939–1944). Д. 135. Л. 1–34.

⁹² Там же. Оп. 1 (1945–1962). Д. 68. Л. 1–32.

⁹³ Там же. Ф. 2. Оп. 6 (1949). Д. 76. Л. 2–16.

биохимиков и фармакологов при АН СССР в Международный биохимический комитет⁹⁴.

Таким образом, в 1930–1950-е гг. научные общества при АН СССР проводили плодотворную работу: регулярно устраивали заседания, а также семинары, конференции, конгрессы и научные чтения, проводили экспедиции, печатали монографии, сборники и журналы. Результаты их деятельности можно вполне правомерно рассматривать как значительный вклад в развитие отечественной науки.

Заключение

Представленные материалы позволяют сделать вывод, что в целом взаимодействие структур Академии наук и научных обществ в 1930–1950-е гг. было вполне успешным, так как руководство Академии наук хорошо понимало формы и методы деятельности и особенности организации и функционирования научных обществ, поэтому не обременяло последних излишним регулированием и контролем, что позволяло научным обществам успешно выполнять свои основные функции и проводить научно-организационную и издательскую работу, расширять международные контакты. Академический статус позволял научным обществам укреплять и развивать свой авторитет в общественной и научной жизни страны в 1930–1950-е гг. Научные общества, функционировавшие в составе Академии наук СССР, продолжают существовать и сегодня, одни как самостоятельные научные организации, другие остаются частью академической системы.

Источники

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, 1922–1991. Т. [1]: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков; ред. Ю.С. Осипов. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1. Оп. 10. Д. 6; Ф. 2. Оп. 1а (1938). Д. 40, 43; Ф. 2. Оп. 1а (1940). Д. 2; Ф. 2. Оп. 2. Д. 16; Ф. 2. Оп. 6. Д. 18, 20, 22, 25, 29, 37, 39, 48, 50, 61, 76, 110, 111, 208; Ф. 2. Оп. 6а. Д. 28, 42, 52; Ф. 535. Оп. 1 (1939–1944). Д. 72, 135; Ф. 535. Оп. 1 (1945–1962). Д. 68; Ф. 535. Оп. 2. Д. 15.

Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88–89.

Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535–546.

Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 11–22.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 411.

Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 617 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1585.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 889. Оп. 1 (1915). Д. 2.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1925. № 14. Ст. 95. С. 166–176.

⁹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1585. Л. 176–179.

СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. С. 437–441.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1933. Отд. 1. Стлб. 444.

Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. 207 с.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1001. Оп. 9. Д. 1; Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 926, 953, 1012; Ф. Р-2556. Оп. 3. Д. 2.

Литература

Гольданский В.И. Всесоюзная конференция по катализу // Вестник АН СССР. 1947. № 7. С. 41–47.

Долгова Е.А. «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение переезда Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // Новейшая история России. 2022. № 3. С. 726–741.

Кабанов Н.М. Всесоюзное гидробиологическое общество // Гигиена и санитария. 1948. № 5. С. 55–56.

Кольцов А.В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб.: Наука, 1997. 192 с.

Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л.: Наука, 1988. 264 с.

Медведев Г.С. 140 лет Русскому энтомологическому обществу // Петербургская академия наук в истории академий мира: М-лы Междунар. конф., [28 июня — 4 июля 1999 г / Редколлегия: Э.А. Тропп (отв. ред.) и др.]. Т. III. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр, 1999. С. 202–206.

Метель О.В. Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920–1960-е годы // Научный диалог. 2020. № 12. С. 271–289.

Ноздрачев А.Д., Поляков Е.Л., Вовенко Е.П., Есауленко И.Э. Столетний юбилей Физиологического общества имени И.П. Павлова Российской академии наук. М.: Научная книга, 2017. 332 с.

Об улучшении деятельности научных обществ и ассоциаций при Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 4. С. 40–48.

Общее собрание Географического общества СССР 10 февраля 1949 года // Вестник АН СССР. 1949. № 3. С. 65–70.

Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 г. М.: Л.: [Б. и.], 1946. 433 с.

Синельникова Е.Ф. Власть и научные общества в середине 1920-х гг.: проекты типового устава // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей. Т. XXXV. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 184–200.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Арктических районов Якутии в 1950-е — 1970-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1. С. 5–15.

Федькин Г.И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М.: Госюриздат, 1958. 365 с.

Graham L.R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1967. 255 p.

Scientific Societies in the System of the USSR Academy of Sciences (1930–1950s)

ELENA F. SINELNIKOVA

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The article shows the peculiarities of the position of scientific societies in the system of the Soviet Academy of Sciences in the 1930–1950s. The author paid special attention to the process of including scientific societies in the system of academic institutions, the analysis of the legal framework for their activities and model statutes, as well as the consideration of the main results of the activities of academic scientific societies in the 1930–1950s. The study is based on various sources, primarily archival materials stored in the State Archives of the Russian Federation, the Archives of the Russian Academy of Sciences and its St. Petersburg branch, and the Central State Archives of St. Petersburg. It is important to note that the USSR Academy of Sciences scientific societies carried out productive work in the 1930–1950s: they regularly held meetings, as well as seminars, conferences, congresses and scientific readings, conducted expeditions, published monographs and journals. The results of their activities were a significant contribution to the development of the Russian science. It is concluded that, in general, the relations between the structures of the Academy of Sciences and scientific societies can be considered as quite successful in the 1930–1950s, because the Academy of Sciences authorities were well aware of the forms and methods of activity and the peculiarities of the organization and functioning of scientific societies, and therefore did not burden the latter with excessive regulation and control. The academic status allowed scientific societies to successfully fulfill their main functions, as well as to strengthen and develop their authority in the social and scientific life of the country.

Keywords: scientific societies, USSR Academy of Sciences, public organizations, history of science, science policy, science and power.

Acknowledgment

The research was prepared at the Russian State University for the Humanities and was carried out with support of the State assignment on the topic “State management of scientific research in the USSR: historical experience and modern assessments”, FSZG-2023-0011, registration no. 1023031000045-1-6.1.1.

References

- Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 1, op. 10, d. 6; f. 2, op. 1a (1938), d. 40, 43; f. 2, op. 1a (1940), d. 2; f. 2, op. 2, d. 16; f. 2, op. 6, d. 18, 20, 22, 25, 29, 37, 39, 48, 50, 61, 76, 110, 111, 208; f. 2, op. 6a, d. 28, 42, 52; f. 535, op. 1 (1939–1944), d. 72, 135; f. 535, op. 1 (1945–1962), d. 68; f. 535, op. 2, d. 15 (in Russian).
- Byulleten'* (1923) *NKVD* [Bulletin of the NKVD], no. 12, art. 158 (88–89) (in Russian).
- Byulleten'* (1928) *NKVD* [Bulletin of the NKVD], no. 27, art. 247 (535–546) (in Russian).
- Byulleten'* (1930) *NKVD* [Bulletin of the NKVD], no. 36a (11–22) (in Russian).

Dolgoва, E.A. (2002). “Malen’kiye” khlopoty “bol’shogo” pereyezda: zhilishchnoye obespecheniye perevoda Akademii nauk SSSR iz Leningrada v Moskvu [“Small” troubles of “Big” movement: the housing issue during the transfer of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow], *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3, 726–741 (in Russian).

Esakov, V.D. (Comp.) (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b) — VKP(b) — KPSS, 1922–1991* [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VKP(b) — CPSU, 1922–1991], Moskva: ROSSPEN, t. [1]: *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b) — VKP(b), 1922–1952* [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) — VKP (b), 1922–1952] (in Russian).

Fedkin, G.I. (1958). *Pravovyye voprosy organizatsii nauchnoy raboty v SSSR* [Legal issues of organization of scientific work in the USSR], Moskva: Gosyurizdat (in Russian).

Goldansky, V.I. (1947). Vsesoyuznaya konferentsiya po katalizu [All-Union Conference on Catalysis], *Vestnik AN SSSR*, no. 7, 41–47 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. A-2307, op. 2, d. 411 (in Russian).

Graham, L.R. (1967). *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Kabanov, N.M. (1948). Vsesoyuznoye gidrobiologicheskoye obshchestvo [The All-Union hydrobiological society], *Gigiyena i sanitariya*, no. 5, 55–56 (in Russian).

Kol’tsov, A.V. (1997). *Leningradskiyeh uchrezhdeniya Akademii nauk SSSR v 1934–1945 gg.* [Leningrad institutions of the USSR Academy of Sciences in 1934–1945], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Kol’tsov, A.V. (1988). *Rol’ Akademii nauk v organizatsii regional’nykh nauchnykh tsentrov SSSR (1917–1961 gg.)* [The role of the Academy of Sciences in the organization of regional scientific centers of the USSR (1917–1961)], Leningrad: Nauka (in Russian).

Materialy (1950) *k istorii Akademii nauk SSSR za sovetskiye gody (1917–1947)* [Materials for the history of the Academy of Sciences of the USSR during the Soviet years (1917–1947)], Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Medvedev, G.S. (1999). 140 let Russkomu entomologicheskomy obshchestvu [140 years of the Russian Entomological Society], in E.A. Tropp (Ed.), *Peterburgskaya akademiya nauk v istorii akademiym mira: Materialy Mezhdunar. konf. (28 iyunya — 4 iyulya 1999 g)* [St. Petersburg Academy of Sciences in the history of the world Academies: Proceedings of the Intern. conf., (June 28 — July 4, 1999)] (t. 3, pp. 202–206), S.-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy nauchnyy tsentr (in Russian).

Metel, O.V. (2020). Evolyutsiya “akademicheskogo sektora” sovetskoym istoricheskoy nauki v 1920–1960-ye gody [Evolution of “academic sector” of Soviet historical science 1920–1960s], *Nauchnyy dialog*, no. 12, 271–289 (in Russian).

Nozdrachev, A.D., Polyakov, E.L., Vovenko, E.P., Esaulenko, I.E. (2017). *Stoletniy yubiley Fiziologicheskogo obshchestva imeni I.P. Pavlova Rossiyskoy akademii nauk* [Centenary of the Physiological Society named after I.P. Pavlov of the Russian Academy of Sciences], Moskva: Scientific book (in Russian).

Ob uluchshenii (1988) *deyatelnosti nauchnykh obshchestv i assotsiatsiy pri Akademii nauk SSSR* [On improving the activities of scientific societies and associations under the USSR Academy of Sciences], *Vestnik Akademii nauk SSSR*, no. 4, 40–48 (in Russian).

Obshcheye (1949) *sobraniye Geograficheskogo obshchestva SSSR 10 fevralya 1949 goda* [General meeting of the Geographical Society of the USSR February 10, 1949], *Vestnik AN SSSR*, no. 3, 65–70 (in Russian).

Otchet o rabote Akademii nauk SSSR za 1944 g. [Report on the work of the Academy of Sciences of the USSR for 1944], Moskva, Leningrad: [b. i.] (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 163, d. 1585 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk (SPbFARAN) [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 889, op. 1 (1915), d. 2 (in Russian).

Sinelnikova, E.F. (2016). Vlast' i nauchnyye obshchestva v seredine 1920-kh gg.: proyekt tytipovogo ustava [Power and scientific societies in the mid-1920s: drafts of a model charter], in *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny: sb. statey*, t. 35 (pp. 184–200), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Sobraniye (1925) *uzakoney i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government of the RSFSR], no. 14, art. 95 (166–176) (in Russian).

SU (1932) *RSFSR*, no. 74, art. 331 (437–441) (in Russian).

Sobraniye (1933) *zakonov i rasporyazheniy Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [Collection of laws and orders of the Workers 'and Peasants' Government of the USSR], otd. 1, stlb. 444 (in Russian).

Suleimanov, A.A. (2019). Akademiya nauk SSSR i arkhologicheskoye izucheniye arkticheskikh rayonov Yakutii v 1950-ye–1970-ye gg [Academy of Sciences of the USSR and archaeological study of the Arctic Regions of Yakutia in the 1950s–1970s.], *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, 5–15 (in Russian).

Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg], f. R-1001, op. 9, d. 1; f. R-2555, op. 1, d. 926, 953, 1012; f. R-2556, op. 3, d. 2 (in Russian).

Ustavy (1974) *Akademii nauk SSSR* [Statutes of the Academy of Sciences of the USSR], Moskva: Nauka (in Russian).